

«Признаки надвигающегося голода» (борьба с продовольственными трудностями в Новоржевском уезде в 1918-1920 гг.)

Первая мировая война, повлекшая колоссальные разрушения производительных сил страны и расстройство экономической жизни, привела к тому, что в России пришлось ввести нормированное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости. Положение не изменилось и после 1917 г., а начавшаяся гражданская война еще больше обострила его.

Новоржевский уезд, являясь сельскохозяйственным уездом Псковской губернии, казалось бы, должен был обеспечивать себя продовольствием. Но в дореволюционное время значительные посевные площади были заняты льном, поэтому в уезд ежегодно ввозилось достаточно много хлеба из-за его пределов. В годы войны уезд оказался в прифронтовой зоне, а на территории его скопилось огромное количество беженцев. В этих условиях уездный Совет приступил к проведению чрезвычайных мер по учету и распределению продовольственных ресурсов.

В январе 1918 г. исполком Новоржевского Совета предложил волостным комитетам составить «точный и справедливый список едоков с указанием деревень, которым выданы карточки», а продукты население должно было получать в Обществах потребителей.¹ Последние были созданы еще в 1914-1916 гг. с целью оказания помощи крестьянам в реализации их продукции и обеспечения необходимыми товарами по более доступным ценам. Советская власть решила использовать эту форму, но действовала другими методами.

В октябре 1918 г. во все волости уезда был разослан документ, предписывающий

строгое нормированное распределение продуктов и предметов первой необходимости: соли - по 1 ф. на едока, сахара - по 1/8 ф., спички - по одной коробке, а «остальные продукты и товары надлежит расходовать весьма бережно, выдавать только действительно нуждающимся гражданам, т.к. абсолютно во всех товарах, а тем более продуктах питания ощущается острый недостаток и рассчитывать на скорое получение их не приходится».²

В апреле 1918 г. на страницах уездной газеты член Совета Юштанов подробно рассказал о том, как с собранными 200 тыс. рублей он ездил для закупки хлеба в южные губернии и в результате доставил на станцию Сущево четыре вагона с пшеницей, мукой, овсом и рожью в количестве 4 тыс. пудов. Весь доставленный хлеб был распределен по волостям.³ Спустя месяц уполномоченный продкомитета телеграфировал из Воронежа: «В Новоржев отправил с провожатым вагон ржи, вагон овса; грузу 8 вагонов картофеля; получил сегодня наряды грузить 7 вагонов картофеля, 9 овса, 1 вагон пшеницы. Тула и Орел хлеба не дают. В Тамбове и Курске хлеб вне очереди получить трудно ввиду погрузки на Петроград».⁴

Принятые меры могли разрядить обстановку лишь частично, поэтому на местах по-прежнему важнейшей задачей было проведение строго нормированного распределения. В мае 1918 г. уездная газета известила жителей о принятом прожиточном минимуме, исходя из 126 руб. 70 коп. на человека в месяц, а с учетом расходов на жилье, отопление, коммунальные услуги, одежду и обувь - 214 руб. 60 коп. (семейного - 350 руб.). Ежедневно на каждого человека полагалось: 1 ф. мяса, 10 картофелин, 3/4 ф. хлеба, бутылка молока и немного чая. Для сведения были опубликованы размеры заработной платы различных категорий

Шутова Марина Михайловна - научный сотрудник Новоржевского филиала Псковского объединенного музея-заповедника

работников: высшее жалование учителя, например, достигало 350 руб., а сторожа училища - 25 руб.⁵

16 мая 1918 г. Новоржевский уисполком сообщил, что «в продотдел ежедневно являются толпами граждане голодающих волостей, как-то: Захонской, Горской, Оршанской и других с просьбой дать им сколько-нибудь хлеба, их голодающим семьям, что указывает на признаки медленно надвигающегося голода и периода острого хлебного кризиса». Поэтому высший орган власти уезда рекомендовал «принять самые энергичные меры к тщательному и поголовному обыску всех без исключения граждан волостей на предмет обнаружения скрытых запасов хлеба, картофеля и других продуктов», прибегая при этом к самым крайним мерам: «осматривая при этом под полами, в подвалах, в земле, за обшивками домов, в запасных дымовых трубах, на чердаках, в огородах, где уже посажен картофель и запахана земля, чтобы скрыть следы преступления, под поземом в хлевах, под сеном и соломой, вообще, где только можно спрятать». Правда, в это время с укрывателями хлеба обходились еще довольно милостиво: за отобранный хлеб платили по твердым ценам, укрывателю оставляли часть его же хлеба, исходя из норм прожиточного минимума, а «излишки» распределялись среди особо нуждавшихся в своей волости.⁶ В дальнейшем меры становились все более жесткими и крутыми.

«Для Советской власти настал серьезный момент, - писала газета «Непогасимое пламя». - Ей придется держать экзамен на прочность своей связи с трудовой массой, на устойчивость народного доверия к ней. Главная причина создавшейся ситуации - война и безответственная политика царского правительства».⁷

Неоднократно повторявшиеся апелляции к «безответственной политике» уже не существующего правительства могли оправдать действия Советской власти в глазах народа лишь отчасти, не добавляли ей авторитета и все более ожесточавшиеся меры в продовольственном вопросе. Состоявшийся 23 июля 1918 г. Новоржевский уезд-

ный съезд представителей волостных продовольственных и земельных отделов вновь напомнил о нормах продовольственного снабжения и принял ряд постановлений: деревенские комитеты преобразовать в комитеты деревенской бедноты, становившиеся чрезвычайными продовольственными органами, для реквизиции хлеба и организации его охраны «в общественном волостном амбаре» организовать продовольственные отряды.⁸

Вскоре стали регулярно публиковаться сообщения о практическом осуществлении намеченных мероприятий. Например, «в Жадрицах на реквизиции хлеба в доме гр. Я.О. Заозерского в подвале обнаружены зарытые в землю драгоценности: золотые часы в 1000 р., медальоны с бриллиантами в 1500 р. и 800 р., золотая брошь «Звезда» в 3000 р., бриллиантовые серьги в 2500 р., свыше 100 штук золотых и серебряных вещей, 31 золотая монета по 5р., 51 серебряный рубль, на сотни рублей серебряной монеты».⁹ Но это был исключительный случай. Гораздо чаще писалось о примерах, становившихся обыденными: оштрафован на 2000 руб. за сокрытие ржи Иван Егоров из д. Клишковичи Аполинской волости; на 5000 руб. за спекуляцию (продажу голодающему населению печеного хлеба по 7 руб. за фунт) - крестьяне д. Зайцево, Новинской волости, Иосиф Дмитриев и Василий Иванов; о жестоких схватках за хлеб в деревнях Барановской волости сообщал матрос Федотов.¹⁰

Высокие цены на рынках особенно возмущали обывателей, требовавших обуздать спекуляцию. «Наш Новоржев с его уездом до сей поры отнесен к категории голодающих, но отнюдь не голодных мест республики, - писал в статье «Мародеры» некто П. Дин. - У нас в изобилии есть мясо, дичь, молоко и другие продукты. На рынке творится вакханалия взвинчивания цен, заставляющих бедняка приходиться в ужас. Рост цен за одну неделю: мясо с 2 р. до 3 р. 50 к., масло с 8 р. до 15 р., сметана с 1 р. 50 к. до 3 р., творог с 1 р. до 2 р. 50 к. Покончить с таким мародерством!».¹¹

И в начале сентября 1918 г. уездный продотдел устанавливает на продаваемые на городских рынках продукты твердые цены: капуста - 20 коп. за фунт, брюква - 15 коп., лук - 75 коп. - 1 руб., огурцы - 10 руб. за сотню; на рыбу в зависимости от кондиции цены устанавливались от 5 коп. до 1 руб. 25 коп. за фунт, а рыбакам объявлялось, «чтобы продаваемая ими рыба была доставлена исключительно на рынки г. Новоржева и его уезда, а не разносилась бы по буржуазным квартирам», в противном случае они привлекались к ответственности.¹² После завершения уборки хлебов в уезде были установлены нормы потребления на едока: хлеба - по 30 ф. в месяц, крупы - 5 ф., картофеля - 1 пуд; все излишки комитета бедноты изымались, свозились на ссыпной пункт и после проведения учета распределялись среди нуждавшихся. Излишки хлеба изымались за плату (если не обнаруживалось злостного укрывательства), а цены были установлены следующие: рожь - 18 руб. за пуд, пшеница - 22 руб. 50 коп., ячмень - 16 руб. 25 коп., гречиха - 22 руб. 50 коп. и т.д.¹³ Для представителей интеллигенции и служащих норма устанавливалась в 25 ф. хлеба в месяц, для нетрудоспособного населения - 1/8 ф. в день, при этом предписывалась «зорко следить, чтобы все эти лица не могли добыть хлеба помимо организации».¹⁴ Уездный продовольственный комитет в декабре 1918 г. вновь напомнил, что «вследствие продолжительной кровавой империалистической бойни, внесшей громадное расстройство в производстве транспорта, и другие хозяйственные условия, до сих пор непоправимые, поступления товаров крайне ограничены», а поэтому «нужно быть экономным и расчетливым в каждой мелочи. Только таким путем можно пережить кризис, дожидаясь того счастливого момента, когда хозяйственный аппарат станет на твердую социалистическую ногу».¹⁵

В конце 1918 г. широкие полномочия по заготовке, переработке и реализации продукции были предоставлены Новоржевскому товариществу кооперативов: 11 ноября оно получило разрешение на право за-

купки у населения рогатого скота для забоя на мясо и снабжения населения Новоржева и уезда. Закупки велись по твердым, установленным губисполкомом ценам. Новоржевский союз кооперативов взял на себя также закупки по уезду гусей и огурцов, предлагал домохозяевам для сушки яблоки и груши, в газете «Непогасимое пламя» дал объявление о приемке яблочного листа с целью переработки его взамен чая, закупал по твердым ценам различные овощи, сушеные грибы, молочные продукты, яйца и др. Новоржевский упродком ходатайствовал перед губернским продовольственным комитетом о выдаче агенту Новоржевского союза кооперативов Тутельману разрешения на право закупки «товаров, соли, селедки и керосина» за пределами губернии.¹⁶

Но положение с продовольствием, особенно с продуктами, ввозимыми в губернию и уезд, было сложным и в начале 1919 г. Упродком, например, постановив выдавать всем волостным комитетам бедноты по два пуда сахарного песка и пуду керосина, рекомендовал «песок выдавать по удостоверениям и рецептам для больных, похороны и свадьбы».¹⁷ Вновь последовали репрессивные меры. 31 января 1919 г. упродком, например, постановил: «одновременно по всем кварталам Новоржева произвести тщательную проверку в жилищных помещениях и кладовых у граждан города на предмет обнаружения запасов продовольствия». За укрывательство излишков хлеба административная комиссия приговорила 9 человек из Духновской волости к штрафу на 2500 руб. каждого или к трем месяцам исправительных работ, Егора Шабашкина из д. Слобода - на 500 руб. или к месяцу исправительных работ, был сформирован специальный продотряд для поездки за хлебом на Украину.¹⁸

28 сентября 1919 г. в Новоржеве проходил VII съезд Советов, на котором в числе прочих был прослушан доклад уездного комиссара по продовольствию. Докладчик привел цифры о поступлении в уезд соли, ржи, картофеля, муки и др., подчеркнув, что «всего 38739 пудов были распределены в

спешном порядке между нуждающимися гражданами уезда и города, с выдачею минимального пайка голодающему населению» (по норме в 20 ф. на душу крестьянского населения), «организована заготовка и закупка яблок, капусты, грибов, ягод и др., для чего оборудован и с 15 сентября действует плодосушильный завод в с. Николаевском на бывшем пивоваренном заводе, где ежедневно перерабатывается до 200 пудов сырых продуктов и получается до 40 п. сухеных», что с 1 января «реквизировано 305 голов рогатого скота», но «мясо распределялось исключительно на нужды Красной Армии, больниц, приютов».¹⁹

В 1920 г. военных действий на территории Псковской губернии не велось, что вселяло определенные надежды на скорейшее восстановление сельскохозяйственного положения населения. Хотя чрезвычайные меры и продолжали действовать, в газетных сообщениях появляются обнадеживающие нотки: «Под будущий урожай нужны мешки. В течение 10 дней сдать мешки. Иначе будут реквизированы»; «Выполнить яичную повинность - по 4 яйца с десятка!»; «Выполнить масляную повинность - 4 фунта с коровы!»; «Последнее напряжение, последние жертвы и мы покончим с войной!»²⁰

Примечания

1. ГАПО, ф. 101, оп. 1, д. 40, л. 13.
2. Там же. Лл. 72, 73.
3. Непогасимое пламя, 1918, 21 (8) апреля.
4. Там же. 1918, 18 мая.
5. Там же. 1918, 1 мая.
6. ГАПО, ф. 101, оп. 1, д. 40, л. 52.
7. Непогасимое пламя, 1918. 1 (19) июня.
8. Там же. 1918, 27 (14) мая.
9. Там же. 1918, 11 (28) мая.
10. Там же. 1918, 10 (27) июля, 7 и 11 сентября.
11. Там же. 1918, 27 (14) июля.
12. Там же. 1918, 18 сентября; ГАПО, ф. 101, оп. 1, д. 39, л. 44.
13. Там же. Л. 53; д. 40, л. 78.
14. Там же. Д. 395, л. 102.
15. Там же. Д. 40, л. 86.
16. Там же. Д. 39, лл. 4, 86, 89; д. 40, л. 71; ф. 286, оп. 1, д. 94, лл. 278, 281, 78, 58; Непогасимое пламя, 1919, 26 сентября.
17. ГАПО, ф. 286, оп. 1, д. 94, л. 78.
18. Там же. Л. 58; Непогасимое пламя, 1919, 22 марта, 18 августа, 16 сентября.
19. Непогасимое пламя, 1919, 2 и 8 октября.
20. Там же. 1920, 30 марта и 19 июня.